

Чему учит Беслан православных христиан?

В «Православной газете» (№ 36, 2004 от Р. Х.) профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев обсуждает вопрос: «Как относиться к исламу после Беслана?». Уважаемый автор статьи обоснованно утверждает об ответственности той части улемов, которые побуждают мусульман к террору против «неверных» ссылками на Коран. При этом автор специально не обсуждает вопрос – чему учит трагедия в Беслане православных христиан. Однако мимоходом А. Кураев приводит историю из деяний Константинопольского Патриарха святителя Полиевкта, который не только отказался причислить к лику святых всех воинов, павших на войне с арабами, но еще и ответил императору, что оставшиеся в живых воины только по снисхождению допускаются к принятию Святых Тайн, от которых они должны были бы отлучаться на пять лет «как пролившие кровь». Автор поясняет: «Мотив Патриарха понятен: нельзя воевать без ненависти. А ненависть опалает душу». По смыслу церковных канонов и воин, вернувшийся с войны, «нуждается в духовном лечении и покаянии, а потому и подлежит временному отлучению от Причастия». А. Кураев ссылается, в частности, на 55-е правило Св. Василия Великого, которое отлучает от причастия и тех, кто «силой меча сопротивлялся разбойникам». Приведенные выше соображения А. Кураева побуждают задуматься над вопросом – как соотносятся, с одной стороны, любовь к Богу, а, с другой стороны, меч воина, пресекающий реальные злодеяния?; допустимо ли вообще *сопротивляться злу силою*? В сознании многих людей существует мнение о христианской позиции как *непротивленческой* (ударили по одной щеке, подставь другую). Ссылки диакона Кураева на церковные каноны только подкрепляют такое мнение, и из них читатель может сделать вывод: сопротивление злу силою есть грех. Непротивление злу по последствиям означает подчинение ему, участие в нем, превращение себя в его рассадник. С другой стороны, взявший меч от меча и погибнет. Как быть?

Вопрос о сопротивлении злу основательно рассмотрел в своей книге «О сопротивлении злу силою» (1925) православный мыслитель Иван Александрович Ильин (1883 – 1954). Над книгой он работал 20 лет. Эту книгу желательно прочесть каждому православному человеку и каждому воину, будь то солдат или офицер. В ней Ильин раскрывает несостоятельность учения Л. Н. Толстого о непротивлении злу и обосновывает этику воинского служения Богу

и Родине. Мы в данной статье познакомим с наиболее важными для нашего времени положениями этой очень поучительной книги.

Ради сентиментально истолкованной добродетели Толстой проповедовал непротивленчество. Любовь исключает меч. Надо любить (по Толстому, жалеть) человека, сострадать ему, уговаривать и не огорчать его. Живи сам доброй жизнью и предоставь другим самим себе. Любовь исключает саму мысль о физическом сопротивлении злу. Сопротивление злу силою есть преступное насилие. Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Все, кто к ней причастны – разбойники и революционеры, политики и министры – люди заблудшие. Мораль Толстого эгоцентрическая: важно, что я сострадал, а не тот, кому я сострадал; главное – *моя моральная безукоризненность и праведность*.

Художественный гений Толстого и созвучие его учения шаткости российской интеллигенции способствовали большой популярности непротивленчества. Эта идеология ослабила души людей и парализовала государственную волю в борьбе со злом. Многие извлекали свои силы из этой борьбы, видели свою доблесть в «робкой уступчивости сатане и хоронились по щелям в час гибели родины». Непротивленчество, отмечает Ильин, – «идеологическая гангрена: не справившись с нею, русские люди не построят России»³⁰. Вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о способности народа защитить от злодеяний Дело Божие, свой дух и свое тело, свою веру и культуру, государственность и территорию. Поэтому надо перевернуть раз и навсегда толстовскую страницу «русской нигилистической морали и восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе»³¹.

Ильин задает вопрос: «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силой и, когда необходимо, то мечом?»³².

Ильин настаивает на том, что добро и зло гнездятся только в душе. Поэтому зло побеждает тот, кто превращает его в добро. А физическое пресечение зла имеет дело не с самим злом, а с его внешним проявлением – злодеянием; оно не проникает в ожесточенную душу, не преобразует ненависть в любовь, а лишь ограждает других людей от злодеяния и

³⁰ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою// Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5. С. 269.

³¹ Он же. Идея Корнилова// Там же. С. 225.

³² Он же. О сопротивлении злу силою// Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т.1. С. 305.

удерживает от злодеяний тех, кто способен соблазниться злом. Толстой призывает к внутреннему преодолению зла. В этом он прав, и Ильин в данном обстоятельстве с ним соглашается. Но далее Ильин аргументирует свою позицию, которая *отрицает* непротивленчество.

Физическое воздействие имеет смысл при определенных условиях. Там, где духовное воздействие оказывается бессильным, необходимо злодея *заставить* – наложить извне волю на внутреннюю или внешнюю деятельность человека и пресечь ее. Заставить можно психически, обращаясь к душе (приказ, запрет, угроза и т.д.), или физически, обращаясь к телу. *Заставление не совпадает с насилием*. Оно может быть дозволенным. *Насилие же в принципе не дозволено*. Насильник говорит своей жертве: «ты – средство моего интереса и моей похоти, ты – не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь, ты во власти моего произвола»³³. Человек же, пресекающий злодеяния, не попирает автономию злодея, а требует ее восстановления. Он движим не злобой, а силой утверждения *справедливости*. Толстой называет *всякое заставление насилием*, отвергает внешнее заставление как ответ злом на зло, как покушение на свободу другого. Человек может прибегнуть к самозаставлению. Нemoшь в самозаставлении (самопринуждении) ставит вопрос о психическом понуждении со стороны других. Воспитывать слабохарактерных – значит учить их самопринуждению к добру, а не ко злу. В заставлении физическое воздействие образует последнюю стадию. Оно необходимо, когда самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается несостоятельным. Мечта переродить злодея одним нравственным совершенством как примером других людей несостоятельна потому, что «преображение злодея должно быть его личным самостоятельным актом, а не отблеском чужого совершенства»³⁴. Сентиментальное жалостливое безволие непротивленцев прикрывается ссылкой на волю Божию (как ныне в России относительно отмены смертной казни). Воля Божия толкуется непротивленцами избирательно. Когда злодей обижает не злодея (растлевает детей, кощунствует над святынями и губит Родину), то это «угодно Богу». Когда незлодей сопротивляется злодею силою, то это Богу не угодно. Воля Божия состоит в том, чтобы «никто не обижал злодеев, когда они обижают незлодеев»³⁵. Непротивленцы не приемлют волю Божию тогда, когда такое приятие повело бы их к героическому волевому служению.

³³ Там же. С. 343 – 344.

³⁴ Там же. С. 277.

³⁵ Там же. С. 386.

Христианство учит «духовной любви». Эта любовь ценит в человеке не все без разбора, а «образ Божий», стремление к совершенству. Духовная любовь знает объективно лучшее, ценит его достоинство и готово к его обороне силой и мечом. Человек, погасивший в себе образ Божий, нуждается не в безвольном «да», а в сурово-осуждающем «нет». Это отрезвляющее «нет» происходит из любви к божественному в падшей душе. Так возникает *«отрицательный лик любви»*, производный от ее силы в добре. Сильный в добре силен в отрицании зла. Отрицающая любовь, встречая окаменевшую злобу, усиливает свое «нет» в такой последовательности: неодобрение, несочувствие, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, психическое понуждение, строгость, суровость, бойкот, физическое понуждение, пресечение, казнь³⁶.

Кто пресекает зло силою, тот допускает в себя нравственно-несовершенное, ущербное состояние. Ибо физическое пресечение зла будит страсти, азарт, кровожадный инстинкт. Отрицающая любовь – урезанная и не святая, она безрадостна и мучительна, сурова и жестка. Она требует *духовной верности и самоочищения, стойкости и выдержки, силы и подвига*.

Тот, кто перед агрессивным злодейством требует идеального нравственного исхода, не понимает *«жизненной трагедии»* – в такой ситуации *идеального исхода нет*. Ибо идеальный исход – это исход *праведный*, т.е. *нравственно совершенное деяние*. Неосуществление такого деяния есть исход *неправедный*. *Всякий грех есть неправедность, но не всякая неправедность есть грех*. Человек грешен тогда, когда он мог совершить дело праведно, потому что *объективные условия* это допускали, но *субъективно* он оказался не на высоте возможностей. Но бывают ситуации, когда объективные условия *исключают* праведный исход. Человек понимает это и, тем не менее, идет на него, пытаясь найти «наименее неправедный исход». Такой поступок есть *сознательное осуществление неправедности*. Но он не является грехом. «Это есть не отпадение от совершенства по субъективной слабости, а отступление от совершенства по объективной необходимости и проявление субъективной силы». В такой ситуации человек творит *не грех, но служение* должному совершенству. Нравственно-совершенное обязательно для каждого человека всюду, где ему объективно доступен праведный исход. Там же, где такой исход не доступен объективно, там для человека обязателен неправедный исход с наименьшей неправедностью. Ильин делает вывод: «Нравственно-

³⁶ Там же. С. 413.

несовершенное не всегда практически запретно. Оно не запретно именно там, где объективно невозможен праведный исход»³⁷.

Путь меча несправедлив. Но мудрость жизни состоит в необходимости «мужественно вступать в несправедливость, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее». Да, путь меча несправедлив. Но разве есть, восклицает Ильин, другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, как «путь предательства слабых, соучастия со злодеем? Человек может потакать злу или сопротивляться. В первом случае он мечет бисер перед свиньями, чтобы не быть растерзанным. Злодей, попирающий духовное достоинство человека, ставит каждого перед дилеммой: «предать дело Божие, соблюдая свою праведность, или быть верным Богу, избирая несправедливый путь»³⁸. Мужество и честность требуют духовного компромисса: принятия своей личной несправедливости в борьбе со злодеем как «врагом Божьего дела»³⁹. Положение меченосца «*нравственно-трагическое*». Выход из него по плечу духовно сильным. Сильный человек не бежит от зла в «мнимо-добродетельную пассивность», но *входит в трагическое положение, чтобы изжить его*. В этом – его подвиг борьбы и духовного напряжения. Он не отрекается малодушно от содеянного, но и не идеализирует его нравственное содержание⁴⁰. Он очищает религиозно свою душу, но не раскаивается. Ибо он *не праведен, но прав*. Справедлив меч, движимый положительной любовью к делу Божию и к Родине и отрицательной любовью к злодейству. Меч не свят, не праведен, но он необходим в борьбе за дело Божие с силами ада и злодейства.

Ошибочно освящение силы и меча. Это – ветхозаветная традиция, понимающая Божество как «совершенство силы», а не как «совершенство любви и добра». Ошибочно также налагать запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть «нравственно и религиозно обязательным». Ошибочно слагать с себя ответственность и перелagать ее на Бога: мол, меч направляет не моя рука, а Бог через меня. Это путь к вседозволенности и деморализации. Это, добавим, американская манера.

Кто не выходит из любви к Богу, тому не страшно временное отступление от праведности. Борьба со злом не ломает его. В любви ко Христу он имеет живую основу своего личного духа и черпает в ней силу подвига и очищения. Церковь и государство, монах и воин необходимы друг другу, они совместно

³⁷ Там же. С. 453.

³⁸ Там же. С. 464.

³⁹ Там же. С. 465.

⁴⁰ Там же. С. 466.

утверждают и обороняют дело Божие – земные содержания в их тяготениях и устремлениях к совершенству. Молитва монаха – это духовный меч, пресекающий в душе злые помыслы. Меч воина – «огненная молитва», ограждающая дело Божие от злодеяний. В Православии молитва направляет меч, но не наоборот. Такова молитва св. Сергия Радонежского, и таков меч Дмитрия Донского.

Христос учил не мечу, а любви. Но ни разу не осудил Он меча, «ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела»⁴¹. Ильин цитирует Апостольские послания, где обосновывается меч. Апостол Павел: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч. Он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13. 3-5). Смертная казнь, замечает Ильин, здесь не воспрещена и не проклята, она допущена как необходимость, но не освящена. Надо сделать все, чтобы палач и меч были не нужны. Если же они необходимы, надо их принять.

Христос призывал любить личных врагов, а не врагов Божиих, не совратителей. Для них Христом было уготовано утопление с жерновом на шее. Человек волен прощать личные обиды, а не чужие страдания. Он не вправе предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину. Именно так понимало древнее русское Православие идею любви и меча, выговорив устами св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами: однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими». Со злодеями, подчеркивает Ильин, необходимо вести борьбу, «но не из личной вражды к ним, а из любви к Богу, к святым, к родине и к ближним». Христианину в обращении со злодеями достаточно вспомнить великий момент, когда божественная любовь в облике гнева и бича изгнала из храма кощунственную толпу: «И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин. 2. 15).

Христос учил любви. Но именно любовь, замечает Ильин, поднимает жертву несправедности. Взявшие меч погибают от меча. Но любовь может побудить человека принять и эту жертву. Так поступали православное воинство и советские воины. «Ибо братья за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божия на земле». Умиравший за такое дело в себе самом, в других людях и в мире отдает

⁴¹ Там же. С. 467.

«меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие». В этой отдаче он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным⁴². Бессмысленно браться за меч тому, кто не знает и не имеет ничего выше себя и своей личной жизни. Себялюбцу вернее бросить меч и спастись ценой предательства и покорности злодею. Это и предлагают нам сегодня российские непротивленцы.

Пока в человеческой душе живет зло, писал Ильин, необходим будет меч – сильный в своей неизвлеченности и в своем пресекающем ударе. И *борьба со злом должна быть в руках лучших людей* – честных, совестливых, религиозно мыслящих. Весьма спорно утверждение А. Кураева – «нельзя воевать без ненависти». Ненависть – аффективное состояние, она туманит разум. Воины, ведомые ненавистью, как правило, проигрывают сражения. Выигрывают те, кто перекалил начальную ненависть в *уверенность в своей правоте*. Счастливы монахи, ученые, художники и созерцатели, восклицает Ильин: им дано творить чистое дело чистыми руками. Не осуждение они должны нести политику и войну, а благодарность и молитву за них. Ибо «их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела». Непротивленцы обязаны подвигам и страданиям тех, кто из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и освобождал других от напряжений отрицающей любви. Непротивленцы же, пользуясь благами векового дуба, стали подрывать его корни и валить его: они начали осуждать благодетелей, своих защитников, отрицать необходимость пресечения злодейства, ханжески гордиться своей нравственной чистотой. Отвергает путь меча тот, бросает в лицо сентиментальным моралистам Ильин, кто всю жизнь мирился с несправедностью «в свою пользу». А когда необходимо принять на себя бремя служения, тогда такой моралист вспоминает о том, что он должен быть безгрешным праведником. Но опять в свою пользу. Если бы теория непротивленцев стала практикой, то на свете остались бы одни злодеи и рабы.

Острая полемика, которую вызвала книга Ильина, очень поучительна для понимания позиций современных российских либералов. Она ясно обнажила два умонастроения: православно-патриотическое и либерально-западническое. Идеи Ильина поддержали иерархи Русской Православной Церкви, философы и военные. Митрополит Антоний отметил: если «не казнить не раскаявшихся злодеев, то они будут казнить мирных граждан». Ильин «глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степени совершенства и смотрит правде в

⁴² Там же. С. 469.

глаза без замалчивания»⁴³. Архиепископ Анастасий Иерусалимский писал, обращаясь к Ильину: «Пусть Ваше смелое слово послужит светочем для всех, кто привык честно и нравственно мыслить, не уклоняясь в словесах лукавых. Оно явится укрепляющей солью для нашего словоблудия, приведшего нас к нынешнему плачевному состоянию»⁴⁴. Твёрдую поддержку оказал профессор П. Б. Струве. Оппонентам Ильина Струве задаёт убийственный вопрос: «Какой меч благословил Преподобный Сергей Радонежский, и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?»⁴⁵. Историк философии Р. Н. Редлих отметил «неустаревающее значение» книги Ильина, напоминающей о том, что «принципы мирного сосуществования и ненасильственного разрешения конфликтов» имеют «определённый этический предел»⁴⁶. Профессор А. Д. Билимович обратил внимание на двойную бухгалтерию «гуманистов». В их ожесточённых нападениях на книгу Ильина «очень много злобы» и «фальши». Требующие сейчас христианской любви не вспоминали о ней, когда их товарищи по журналу или по партии признавали возможность бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая в клочья ни в чем не повинных молящихся. Эти «две мерки уничтожают всякое доверие к их писаниям»⁴⁷. Крайне резко и непристойно реагировали на книгу авторы, опубликовавшие свои мнения в масонских изданиях «Дни», «Последние новости», «Путь» (ИМКА), обвиняя Ильина в «злом добре», «взвинчивании страстей», в фашизме, антисемитизме, «в военно-полевом богословии», «палачестве» и т.д.⁴⁸. Самой непристойной была большая статья Н. А. Бердяева, послужившая сигналом к травле Ильина⁴⁹.

Травля Ильина со стоны «гуманистов» объяснялась тем, что Ильин похоронил масонские установки «гуманизма», «толерантности» и др., разоблачил *антиправославную и противогосударственную* линию Н. А. Бердяева и его сторонников. Ильин показал необходимость согласия Церкви и государства. Христианин должен принять государственное дело. Оно совместимо с христианским вероучением. Тем самым Ильин укрепил духовную основу государства – христианское правосознание. Во-вторых, он проясняет назначение меча – защищать дело Божие, Родину и народ и не служить иным целям. В противостоянии злу армия есть мужественное начало народа, его

⁴³ Ильин И.А. Приложение// Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5. С. 372.

⁴⁴ Там же. С. 398.

⁴⁵ Там же. С. 306–307, 402.

⁴⁶ Там же. С. 479.

⁴⁷ Там же. С. 450.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ Там же. С. 378–379, 383–384, 392.

духовная воля и сила, ограда национальной целостности и независимости, школа патриотизма, верности и чести, дисциплины и стойкости. Бердяев же тщательно обходит вопрос о государстве. Втайне считая государственное дело противохристианским, он и его сторонники, в отличие от Толстого, боятся это выговорить. Уходя от традиции Православной Церкви, они не хотят дать государственному делу христианского осмысления, одобрения и укрепления. Они поносят того, кто это делает. Они «систематически выдвигают именно противогосударственную традицию и выдают именно ее за единственно православную». Они таким образом фальсифицируют сразу и Православие, и государство. Они принимают так, чтобы не принять, допускают с тем, чтобы осудить. Их воззрениям соответствовала безвольная и предательская «государственность» временного правительства⁵⁰. Такое «приятие» государства, втайне считающее его противохристианским делом насилия, будет и впредь чревато предательством Церкви и Родины. В критический момент, предупреждал Ильин, когда борьба за Церковь и Родину потребует войны или казни, *скрытое отвержение государства выйдет из подполья наружу и наложит запрет на меч*. Всегда найдутся люди, которые «приемлют государство, чтобы «пролезть наверх», но у которых это «приятие» настолько неискренне, чтобы предать государственное дело, предоставить злодеям свободу, отвергая наступательную пресекающую борьбу. В России сегодня, похоже, сложилась подобная ситуация. По Бердяеву, «отрицание свободы зла делает добро принудительным»⁵¹. В этом его высказывании раскрыта вся его безответственность, софистика и путаница, вся шаткость его мысли и воли; вся губительность либеральной установки, делающей идол из сентиментальной гуманности. Слезами и горем народа оборачивается такая «гуманность».

Отвечая критикам, Ильин их спрашивал: Как мог прп. Сергей Радонежский вдохновлять Дмитрия Донского к кровавому побоищу? А монахи Троице-Сергиевой Лавры, воевавшие в Смутное время с воровскими шайками, тоже творили вслед за прп. Сергием противохристианское дело? А св. Патриарх Гермоген, поднимавший грамотами Россию на поляков и воров? А митр. Ростовский Кирилл вместе с князем Пожарским, организовавший и ведший ополчение на Москву? А наши полковые священники, ходившие с крестом в атаку и благословляющие на смертный бой за Родину? Они тоже извращали христианство и взвинчивали страсти? Что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его шаек?

⁵⁰ Он же. О сопротивлении злу. Открытое письмо В.К. Данатцу// Там же. С. 247.

⁵¹ Он же. Приложение// Там же. С. 386.

Если бы Петр Великий и Екатерина Великая не взяли на себя решимость казнить злодеев? И когда Церковь не осудила правителей, она действовала вопреки христианскому учению? Кто из русских православных святителей, строивших Русь, учил непротивленчеству? Феодосий Печерский? Или епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников? Или Сергей Радонежский? Или Петр, Алексей, Иона и Филипп? Или Гермоген? Или Филарет и Никон? Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней? Что может этому противопоставить толстовствующий непротивленец? Личное «не приемлю»? Но это «нет» имеет, замечает Ильин, не «публичное», а сугубо «личное» значение. Подумайте только: русская интеллигенция, иронизирует Ильин, гуманнее Апостола Павла и Преподобного Сергия, милосерднее Апостола Петра и любвеобильнее Патриарха Гермогена. И традиции наших великих святых оказываются традицией «злого добра». «Учитесь христианской любви, - обращался Ильин к молодежи, - у Преподобного Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей»⁵², равно как и у шаткой либеральной российской интеллигенции, подтачивающей волевое начало армии. В современной России непротивленцы верны прежней тактике. Это – шельмование патриотизма и государства, намеренная деморализация армии в средствах массовой информации, пацифизм, требование отмены смертной казни, неощутимое, медленное разложение государства, насаждение «гуманности» к злодеям, под прикрытием которой вымирает народ, а меч НАТО приближается к Смоленску.

Зло в современной России интеллектуализировано. Его обосновывают «нанятые гуманисты», многие из которых отрабатывают гонорары мировых деньгодателей. Необходимо восстановить иммунную систему государства по отношению к торжествующему злу и поставить на его пути молитвенное укрепление духа, законы правосудия и меч воина. Религиозность, проповедующая непротивленчество, ведет к предательству Родины и государства и работает на «мировую закулису». Для строительства России русский человек нуждается прежде всего «в воспитании волевого характера». Горе тому народу, восклицает Ильин, который утратит волю к борьбе со злом, ибо злодеи истребят его лучших сынов, а оставшихся превратят в своих покорных рабов⁵³.

Непротивленчество на рубеже XX – XXI веков проявляется в виде пассивного ожидания прихода антихриста, усиления в православных изданиях

⁵² Он же. О сопротивлении злу. Открытое письмо... С. 285.

⁵³ Он же. Идея Корнилова// Там же. С. 227.

акцента на «нашем поражении». «Христианство – едва ли не единственное мировоззрение на земле, – пишет А. Кураев, – которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения»⁵⁴; «свой последний, итоговый выбор человечество сделает в пользу антихриста, а не в пользу Христа»⁵⁵. Такие суждения парализуют волю у шатких в вере, сеют пораженчество и чувство безысходности, обреченности. Антихрист есть олицетворение зла. И проповеди о его неизбежном пришествии, усиленные многотиражно, суть проводники зла; они программируют такое поведение миллионов людей, которое и в самом деле может привести к реализации сумрачных человеческих видений. Может, хватит ныть?

Трагедия Беслана учит православных христиан: в годину суровых испытаний и попущений любовь ко Христу и меч предполагают друг друга. Совершенство Божие и образ Божий в душах побуждают к верности, ответственности, служению и самоотверженности. Любимое и совершенное нравственный человек оберегает и защищает словом, делом и мечом. Традиции православных святых противоположны непротивленчеству, и эти традиции призвано унаследовать в XXI веке молодое поколение православных людей России.

Гончаров С. З., Остапенко М. А.

Православная антропология и душевное здоровье

Укореняя душу в *абсолютное* основание, совершенство Божие, православная антропология дарует личности все необходимое для душевного здоровья. Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Такое благополучие основывается на *гармонии* меры целого с мерами частей. Болезнь вызывается нарушением гармонии, доминированием части над целым. Болезнь - это «эгоизм» части за счет целого. Так раковая клетка убивает организм, навязчивые психические состояния разрушают целостность души, а верховенство прав человека над правами народа обессиливает народ и государство.

Душа как целое представлено в форме «я». Душевное нездоровье несоматического характера имеет психические и аксиологические основания. В психологическом плане таким основанием является нарушение чистого

⁵⁴ Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении. Христианство на пределе истории. М., 2003. С. 11.

⁵⁵ Там же. С. 14.